

Т. Гризингер

Иезуиты

**Полная история их явных и
тайных деяний от основания
ордена до настоящего времени.
Том 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т. Гризингер**
Иезуиты: Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. Том 1 / Т. Гризингер – М.: Книга по Требованию, 2014. – 353 с.

ISBN 978-5-458-24316-2

Книга Теодора Гризингера рассказывает о возникновении и развитии ордена иезуитов, его общественной и политической деятельности с 16 века до середины 19 столетия. Автор дает свою версию биографии основателя ордена Игнатия Лайолы, рассматривает принципы построения организации, миссии иезуитов в Азии, Африке, Америке. Написанная живым языком с использованием уникальных материалов, она несомненно вызовет интерес как у профессиональных историков и религиоведов, так и у всех интересующихся тайными обществами в мировой истории.

ISBN 978-5-458-24316-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

больше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ за все время своего существованія. Весь міръ дивился новому обществу, и всѣ, какъ друзья, такъ и враги, соглашались, что относительно могущества, вліянія, распространенія, богатства и власти, іезуиты далеко превосходили все, о чемъ можно было мечтать. Но въ то же время всѣ скоро убѣдились, что, какъ свѣтъ стоитъ, не было еще общества, гдѣ сосредоточивалось бы больше пронырства и развращенности, какъ въ іезуитахъ; ихъ стали обвинять въ такихъ позорныхъ и постыдныхъ дѣлахъ, что если хоть десятая часть всѣхъ разсказовъ правда, то іезуиты должны быть осуждены безвозвратно. Короче, всѣ удивлялись необыкновенному уму, дѣятельности и организаціи ордена іезуитовъ; удивлялись и тѣ, кто при одномъ имени ихъ содрогался, и тѣ, которые расточали имъ похвалы, болѣе чѣмъ преувеличенныя.

Такъ различно судили объ іезуитахъ прошедшіе вѣка и точно такъ же противорѣчиво судять о нихъ и теперь, когда это братство явилось въ прежней своей силѣ. Поэтому я полагаю, что исторія его не лишена интереса и въ наше время. Обратимся же прежде всего къ личности самого основателя братства іезуитовъ.

Подобно основателямъ всѣхъ другихъ монашескихъ орденовъ, онъ былъ родомъ изъ романской страны и притомъ изъ Испаніи, самой католической изъ всѣхъ католическихъ странъ. Въ бискайской провинціи Гвипускоа, между двумя маленькими городами, Аскоитія и Аспетія, возвышался въ древности замокъ, гордая резиденція благороднаго рыцарскаго рода, владѣвшаго имъ съ XIII вѣка. Родъ этотъ назывался *Лойола*, и въ концѣ XV столѣтія въ замкѣ своихъ предковъ жилъ глава его, рыцарь *Бертрамъ*, сынъ Переса, сеньоръ *де-Лойола-и-Онъе*, или *Онъате*. Онъ былъ женатъ на доннѣ *Маріаннѣ Саесъ-де-Ликона-и-Бальда*, дочери рыцаря *Мартина Гарсиа де-Ликона* и маркизы *де-Бальда*; однако, не смотря на громкій титулъ, приданое ея было, кажется, не велико, такъ что рыцарь Бертрамъ былъ далеко не въ блестящихъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что самъ не имѣлъ ничего, кромѣ

двухъ родовыхъ замковъ, Лойола и Онье. За то судьба щедро надѣлила ихъ дѣтьми: у нихъ было семь сыновей и четыре дочери, и младшій изъ сыновей, родившійся въ 1491 году, т. е. восемью годами позже Лютера, былъ названъ при крещеніи въ церкви св. Себастіана де-Сореазу въ городѣ Аспетіи, *дономъ Иньио* (Игнатій) *Лопесъ де-Рикальде* *). Этому дону Иньио суждено было сдѣлаться основателемъ знаменитѣйшаго братства іезуитовъ.

Еще ребенкомъ донъ Иньио обнаруживалъ необыкновенныя способности, но, къ сожалѣнію, ими не воспользовались и не считали нужнымъ учить его чему бы то ни было, кромѣ чтенія и письма на родномъ языкѣ. За то дядя его, у котораго онъ провелъ большую часть своего дѣтства въ Ареvalo въ Старой Кастилиі, училъ его фехтованію и верховой ѣздѣ, танцамъ и игрѣ на мандолинѣ, и въ этомъ Иньио оказалъ удивительные успѣхи. Когда ему минуло четырнадцать лѣтъ, дальній родственникъ его семейства, *донъ Антоніо Манрикесъ, герцогъ де-Нахера*, грандъ Испаніи, опредѣлилъ его пажемъ ко двору Фердинанда и Изабеллы, и здѣсь, въ блестящемъ и сладострастномъ свѣтѣ, изъ него вышелъ вполне совершенный кавалеръ; онъ научился любезничать съ дамами, писать любовныя объясненія въ стихахъ, разыгрывать на мандолинѣ нѣжные куплеты и со шпагой въ рукѣ защищать свои ночныя серенады противъ ревнивыхъ мужей, братьевъ или жениховъ. Словомъ, онъ жилъ, какъ всѣ моло-

*) Некоторые біографы считаютъ у Бертрама де Лойолы до 14 дѣтей, девять сыновей и пять дочерей; но сохранились имена только одиннадцати слѣдующихъ: 1) *донъ Хуанъ*, убитый въ неаполитанской войнѣ; 2) *донъ Мартинъ*, наслѣдовавшій по смерти Хуана замокъ Лойолу; 3) *донъ Бертрамъ*, также рано погибшій на полѣ чести; 4) *донъ Окоа*, умершій ребенкомъ; 5) *донъ Эрнандо*, умершій въ Индіи; 6) *донъ Педро*, принявшій духовное званіе и бывшій священникомъ въ церкви св. Себастіана въ Аспетіи; 7) *донъ Иньио*, о которомъ мы говоримъ; 8) *донна Мадалена*, замужемъ за *донъ Хуаномъ Лопесъ де-Галий-Итака*; 9) *донна Маріана*, замужемъ за *донъ Стефано де-Арекса*; 10) *донна Катарина*, замужемъ за *донъ Хуаномъ Мартинесъ де-Лазуо*; 11) *донья Марія*, умершая въ дѣвцѣхъ.

дые люди его сословія, и считался юношей очень тщеславнымъ, высокомернымъ, вспыльчивымъ и даже эксцентричнымъ, но въстѣ съ тѣмъ любезнымъ, честнымъ, храбрымъ кавалеромъ и добрымъ товарищемъ, готовымъ на самопожертвованіе. При этомъ онъ былъ очень хорошъ собою, имѣлъ широкій, открытый лобъ, пламенные глаза, красивый римскій носъ, свѣжій цвѣтъ лица, крѣпкое и пропорціональное сложеніе и былъ средняго роста. Немудрено, что онъ былъ счастливъ относительно женщинъ и въ то же время любимъ мужчинами.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой жизни, приобрѣтя репутацію самаго свѣтскаго кавалера, онъ увидѣлъ наконецъ бессмысленность подобнаго образа жизни и, увлекаемый сильнымъ честолюбіемъ, рѣшился вступить въ военную службу и приобрести себѣ лавры славы. Герцога де-Нахера снова принялъ въ немъ участіе, и онъ быстро вышелъ въ офицеры. Онъ былъ вполне достоинъ этого отличія, потому что не только доказалъ мужество и силу въ бояхъ, но и посвящалъ часы досуга на теоретическое изученіе военного дѣла и на систематическое ознакомленіе съ его правилами. Конечно, какъ истинный рыцарь, на зимнихъ квартирахъ онъ вознаграждалъ себя любовью за трудности лѣтняго похода и посвящалъ цѣлые дни на ухаживанье. Такъ провелъ онъ еще нѣсколько лѣтъ и, быстро достигнувъ капитанскаго чина, могъ смѣло надѣяться, что со временемъ его признанная храбрость доставитъ ему генеральскій чинъ, тѣмъ болѣе, что время было воинственное и въ случаяхъ отличиться не было недостатка, вслѣдствіе борьбы за преобладаніе въ Европѣ между наслѣдникомъ Фердинанда и Изабеллы, германскимъ императоромъ Карломъ V и Францискомъ I королемъ французскимъ. Но всѣ эти блестящія надежды разрушилъ одинъ неожиданный случай.

Въ 1521 году французы подъ предводительствомъ Андре де-Фуа, маршала де Л'Эпарра, осаждали городъ Пампелуну и 20 мая, пробивъ брешь, пошли на приступъ. Цитадель

защищалъ не кто иной, какъ донъ Иньиго де-Лойола. Онъ рѣшился лучше погибнуть подъ развалинами ея, чѣмъ запятнать позорною сдачею свою воинскую славу, и французамъ приходилось покупать каждый шагъ цѣною потоковъ крови. Въ самомъ разгарѣ боя храбрый Лойола былъ пораженъ въ лѣвую ногу обломкомъ стѣны, и въ ту же минуту ядро раздробило ему правую ногу. Тогда разомъ прекратилось всякое сопротивленіе, потому что, увидѣвъ паденіе своего вожда, испанцы потеряли духъ и сдались на произволъ побѣдителей. Французскій главнокомандующій былъ человѣкъ очень любезный и поручилъ раненаго коменданта попеченіямъ своего собственнаго хирурга. Мало того, черезъ двѣ недѣли онъ освободилъ его безъ выкупа и отпустилъ въ родительскій замокъ для окончательнаго излеченія. Лойола отправился въ путь; но хотя его несли въ носилкахъ со всевозможною осторожностью, тѣмъ не менѣе переѣздъ этотъ едва не сдѣлался для него гибельнымъ. Вѣроятно, у него сорвалась повязка; послѣшно призванные на помощь врачи объявили, что для полнаго излеченія ему необходимо отпилить еще кусокъ кости и, слѣдовательно, снова вскрыть огромную, едва закрывшуюся рану. Операция была страшно мучительна, потому что пришлось вынимать множество костяныхъ обломковъ; но мужественный Лойола, не задумываясь, согласился на нее и выдержалъ геройски. При самыхъ страшныхъ истязаніяхъ у него не вырвалось ни крика, ни стога, и онъ даже принудилъ себя улыбнуться, когда сестры его стали рыдать, при видѣ его мученій. Однако, потеря крови и горячка привели его въ такое положеніе, что сочли нужнымъ причастить его, и наконецъ врачи отказались отъ всякой надежды на его спасеніе. Но сильное сложеніе его побѣдило болѣзнь, и онъ началъ выздоравливать; выздоровленіе шло очень медленно и продолжалось цѣлые мѣсяцы. Когда наконецъ онъ могъ встать съ постели и пройтись по комнатѣ, къ ужасу его обнаружилось, что одна нога его стала на цѣлый вершокъ короче другой, и что, кромѣ того, подѣ

колѣнномъ торчитъ безобразный отрѣзокъ кости, лишаящій его возможности носить высокіе, узкіе сапоги, какіе были тогда въ модѣ. Тщеславіе его не могло примириться съ этимъ несчастіемъ, и онъ рѣшился приказать отпилить себѣ проклятую выдавшуюся кость. Врачи нашли это весьма рискованнымъ и объявили, что операція будетъ чрезвычайно болѣзненна; но онъ настоялъ на своемъ, и кость была отпилена. Выздоровѣвъ, онъ немедленно занялся вытягиваніемъ своей короткой ноги и для этой цѣли приказалъ сдѣлать особую желѣзную машину, куда ногу тотчасъ и закрутили. Машину вертѣли, чтобы какъ можно больше вытянуть мускулы, и хотя отъ боли можно было съ ума сойти, но Лойола переносилъ все непоколебимо: лучшее доказательство его громадной силы воли; къ сожалѣнію, результатъ не соответствовалъ ожиданію, и Лойолѣ пришлось убѣдиться, что ему суждено весь вѣкъ оставаться хромымъ. Кромѣ того, зеркало ясно говорило ему, что отъ долгой болѣзни и страшныхъ страданій лице его постарѣло и похудѣло, волосы порѣдѣли, и на лбу показались морщины.

Было отчего придти въ отчаяніе! Ему, любимцу дамъ, торжествовавшему надъ всѣми соперниками и всюду возбуждавшему своимъ появленіемъ зависть и удивленіе, приходилось теперь хромать, чего добраго, быть предметомъ состраданія и насмѣшки! Такая перспектива была невыносима, и было необходимо, во что бы то ни стало, найти выходъ изъ этого положенія. Еще во время своей долгой болѣзни, чтобы разогнать смертельную тоску, онъ занялся чтеніемъ, и такъ какъ въ замкѣ случайно не оказалось ни Амадиса, ни другаго рыцарскаго романа, то ему пришлось довольствоваться чтеніемъ римско-католическихъ легендъ, а главное „*Flores sancto-
rum*“, т. е. „Цвѣтовъ святыхъ“. Книга эта была наполнена повѣствованіями о необычайныхъ лишеніяхъ, которыми подвергались западные аскеты для достиженія блаженства, и можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти повѣствованія на Лойолу. „Такъ дѣлалъ святой Францискъ,—

сказалъ онъ себѣ, — такъ буду дѣлать и я; такъ поступалъ св. Доминикъ, — такъ буду поступать и я.“ По временамъ онъ совершенно погружался въ посты, самобичеваніе и другія страданія и мученія. Правда, вначалѣ впечатлѣнія эти были непрочны, и ихъ скоро вытѣснялъ образъ прекрасной донны Изабеллы Газелли, къ которой онъ пылалъ тогда самой пламенной любовью. Но убѣдившись, что красота его прошла, и что онъ сдѣлался хромымъ калѣкой, онъ пересталъ думать объ Изабеллѣ, и мѣсто ея заняли фанатизмъ и средневѣковыя аскетическія истязанія. Онъ рѣшился чтить монферратскую Богородицу и при ея помощи стать такимъ же прославленнымъ святымъ, какъ Януарій и Евстахій.

Такимъ образомъ, въ Лойолѣ произошла рѣзкая перемѣна, и прежній кавалеръ обратился въ фанатика. По словамъ его біографовъ, онъ одѣлся въ грубыя и грязныя одежды, и на его исхудалое лицо ниспали нечесанныя космы волосъ, нѣкогда умащавшихся драгоценными мазями. Онъ предался величайшей воздержанности и нерѣдко постился до обмороковъ; во время этихъ обмороковъ ему казалось, будто онъ видитъ не только многихъ святыхъ, но однажды перенесся даже прямо на небо. Глава семейства, донъ Мартинъ Гарсія де-Лойола, безпокоился о братѣ и совѣтовалъ ему не доводить себя до самоиступленія и жить по-людски. Но Игнатій твердо рѣшился идти своимъ путемъ, не слушалъ никакихъ доводовъ и положилъ покинуть подъ какимъ-нибудь предлогомъ замокъ и отправиться въ знаменитый своимъ чудотворнымъ образомъ Богородицы монастырь Монферратъ въ Каталоніи, гдѣ думалъ посвятить себя на всю жизнь служенію Маріи. Предлогъ былъ скоро найденъ: онъ объявилъ, что отправляется въ Наваррете къ герцогу де-Нахера; но, пріѣхавъ туда, распустилъ свою прислугу и поспѣшилъ въ Монферратъ. Прійдя туда въ 1522 году, онъ немедленно снялъ съ себя богатое рыцарское платье, которое долженъ былъ надѣть по настоянію брата, и надѣлъ нищенскую одежду пилигрима: длинный кафтанъ изъ грубого холста, подпоясанный веревкою съ пустою тыквою

вмѣсто фляжки, сандалии на ногахъ, въ рукахъ длинный посохъ; чтобъ наказать себя, какъ слѣдуетъ, за прежнія прегрѣшенія въ мірѣ, онъ бичевалъ тѣло свое до крови, цѣлые три дня совершалъ генеральную исповѣдь передъ знаменитымъ благочестіемъ отшельникомъ Кланомъ и наконецъ, по примѣру Амадиса и другихъ романическихъ героевъ, простоялъ цѣлую ночь на торжественной стражѣ передъ часовней Богоматери, чудотворному образу которой посвятилъ мечъ и кинжалъ, въ знакъ того, что отнынѣ будетъ исполнѣ преданъ ей, какъ ея духовный рыцарь. Съ этихъ поръ онъ называлъ себя рыцаремъ Пресвятой Дѣвы, а иногда воиномъ Іисуса и, по совѣту Кланона, рѣшился увѣнчать свое рвеніе къ святости паломничествомъ въ Іерусалимъ. Но предварительно онъ хотѣлъ достойно приготовить къ этому такими необычайными истязаніями, чтобы весь міръ сказалъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не заходилъ еще такъ далеко въ этомъ отношеніи.

Съ этою цѣлью онъ поселился на время въ маленькомъ городкѣ *Манрезъ* по дорогѣ въ Барселону, откуда онъ намѣревался отправиться потомъ въ Іерусалимъ; въ Манрезѣ онъ остановился въ госпиталѣ св. Луки, желая жить среди нищихъ и больныхъ. Онъ не хотѣлъ спать ни въ постелѣ, ни даже на соломѣ, а просто на голомъ полу, и всю недѣлю кормился только водой и хлѣбомъ, который выпрашивалъ на улицѣ. Онъ опоясался желѣзною цѣпью и трижды въ день публично бичевалъ себя ею, никогда не стригся и не чесался, такъ что вскорѣ видъ его сталъ дѣйствительно страшенъ. Поэтому, едва онъ выходилъ на улицу, какъ къ нему сбѣгались уличныя мальчишки и бѣгали за нимъ, швыряя въ него тухлыми яйцами и грязью. Такъ провелъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вдругъ случай выдалъ его знатное происхожденіе, и тогда къ нему стали приставать уже не только уличные мальчишки, но и взрослые, считавшіе его до сихъ поръ нищимъ и полусумасшедшимъ бродягой. Это ему не понравилось, и нескромное любопытство манрезцевъ, скры-

вавшихъ насмѣшку подъ личиной участія, до того тяготило его, что онъ убѣжалъ по непроходимой тропинкѣ черезъ рейникъ и колючій кустарникъ въ одну сосѣднюю горную пещеру.

Здѣсь онъ началъ, если возможно, еще хуже истязать себя и часто по нѣскольку дней ничего не ѣлъ и не пилъ; когда наконецъ постъ нужно было прекратить, чтобы не взять на себя грѣха самоубійства голодомъ, то онъ довольствовался кореньями, росшими передъ его пещерой, или черствымъ, заплѣсневѣлымъ хлѣбомъ, который бралъ съ собой изъ госпиталя. Кромѣ того, онъ бичевалъ себя своею цѣпью уже по шести разъ въ день, вмѣсто трехъ, и въ довершеніе самоумерщвленія лишалъ себя по возможности сна. Вслѣдствіе всего этого онъ до того ослабъ, что безпрестанно лишался чувствъ; тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ постоянно мучиться самыми страшными тревогами совѣсти, думая, что всѣхъ этихъ истязаній еще недостаточно. Между тѣмъ воображеніе рисовало ему разные видѣнія. Желавшій познакомиться съ этимъ поближе, можетъ прочесть о нихъ въ книгѣ „*Духовныя упражненія*“, гдѣ, кромѣ того, описаны многія другія позднѣйшія мнимыя чудеса Лойолы. Онъ дорогою цѣною покупалъ это экстатическое состояніе души, потому что не разъ бывалъ такъ близокъ къ голодной смерти, что однажды пролежалъ восемь дней безъ чувствъ отъ слабости и навѣрное умеръ бы, если бы на него случайно не наткнулись прохожіе и не перенесли въ городской госпиталь. Здѣсь онъ оправился при хорошемъ уходѣ и окрѣпъ не только тѣломъ, но и духомъ. Разговоры съ духовникомъ, которому онъ исповѣдался, привели его къ убѣжденію, что прославленія легче достигнуть обращеніемъ язычниковъ, усвоиваніемъ порочныхъ, чѣмъ строгими лишеніями и самоистязаніемъ. „Цѣннѣе всего проповѣдь, говорилъ духовникъ, проникающая въ сердце, и каждый язычникъ, обращенный въ христіанство, можетъ считаться ступенью великой лѣстницы, по которой можно достичь неба.“ Это понравилось

Игнатію, и сверхъ того онъ понялъ, что для обращенія язычниковъ нужны силы и здоровье. Поэтому онъ сталъ менѣе строго постничать, не такъ часто бичевалъ себя, остригъ бороду, волосы и ногти, снялъ съ себя рубище и снова обратился въ приличнаго человѣка, не возбуждавшаго ни отвращенія, ни ужаса; но въ то же время онъ порѣшилъ не откладывать болѣе своего путешествія въ Іерусалимъ, такъ какъ твердо рѣшился обратить въ христіанство всѣхъ турокъ и магометанъ.

Все это совершилось въ душѣ донъ Иньиго Лопеса де-Лойола и Рикальде въ теченіе одного года, и изъ этого видно, какія необычайныя послѣдствія можетъ имѣть плохое леченіе раненой ноги.

Г Л А В А II.

Первые семь іезуитовъ.

„Впередъ, въ Іерусалимъ и въ Палестину, обращать турокъ!“ — сказалъ себѣ Игнатій и въ началѣ 1523 года отправился въ Барселону, чтобы оттуда ѣхать въ Италію. Денегъ у него не было, но объ этомъ онъ не заботился, потому что привыкъ жить подаянiемъ и не только дошелъ, не голодая, до Барселоны, но и собралъ еще денегъ на переездъ въ Гаету въ неаполитанскихъ владѣніяхъ. Прибывъ туда, онъ немедленно отправился, конечно, также побираясь, въ Римъ, куда пришелъ въ вербное воскресенье; первымъ дѣломъ его было, конечно, сходить во всѣ церкви, обыкновенно посѣщаемыя богомольцами. Въ великую пятницу, 5-го апрѣля, онъ удостоился высокаго счастья получить вмѣстѣ со всѣми прочими богомольцами благословеніе его святѣйшества папы Адріана VI; по нѣкоторымъ біографамъ, онъ былъ допущенъ даже къ цѣлованію папской ноги. Я не берусь рѣшать, правда ли это, но замѣчу, что и въ Римѣ Иньиго питался преимущественно милостыней, а ночи проводилъ въ какомъ-нибудь грязномъ углу. Апрѣля 12 онъ отправился дальше въ Венецію, конечно, по-прежнему, пѣшкомъ и прося милостыни. Однако, не смотря на привычку къ такому образу жизни, онъ едва не погибъ на этомъ переходѣ, такъ какъ по жалкому виду всѣ считали его зачумленнымъ (а тогда въ Италіи свирѣпствовала чума) и не пускали ни